

недостаточно. Необходимо выявление и обработка новых фактов. Поэтому при собирании материалов на Балканах в 1890—1900-е годы по истории южнославянских литератур я не пренебрегал и произведениями XVIII в., которые могли бы осветить интересный и малоразработанный вопрос о взаимоотношениях русской и украинской литератур с южнославянскими в XVII—XIX вв.

Во время своих занятий в болгарских и сербских библиотеках, где главным образом и сосредоточены интересовавшие меня рукописи (в частности, в библиотеках Народной и Академической в Белграде, Народной — в Софии и Академической — в Загребе), мне удалось собрать ряд духовных стихов в старых сербских и отчасти болгарских записях. Одна группа их, довольно характерная для представления о взаимосвязях восточнославянских литератур (русской и украинской) с южнославянскими (в данном случае с сербской литературой), и является объектом изучения в настоящей статье.

Если мы присмотримся со стороны формы и содержания к сербским духовным стихам (побожне пјесме), собранным в изданиях Вука Караджича² и П. А. Бессонова (Калеки перехожие),³ то заметим некоторую аналогию тому, что мы видим и в русских, и украинских духовных стихах. Как и в последних, в сербских мы заметим две основные группы. Одна (по-видимому, старшая: Вук относит ее к группе «најстарјих јуначких пјесама») приближается по строению к эпическим «јуначким» песням (и у нас такие стихи, как об Егории, Голубиной книге и другие, сходны с былинным стихом). Другая группа по форме чужда устной эпической поэзии, стихи в ней снабжены рифмой и построены по правилам силлабического сложения (как и большинство русских и украинских «кант» и «псалм»).

Разнятся эти группы между собой, как и соответствующие им русские и украинские стихи, по способу их передачи и сохранения. Тогда как первая группа (если основываться на обстоятельных заметках собирателей) встречается исключительно в устной передаче у певцов, песни второй группы, если и передаются певцами изустно, то весьма часто (и даже чаще) знакомы нам по записям не старше, впрочем, половины XVIII в., чаще же — по более поздним.

Так, среди рукописей Белградской народной библиотеки встретились записи стиха об Алексее, божьем человеке (№ 547, конца XVIII в.); тот же стих сообщен был П. А. Бессонову в записи священником сербом Кириллом Андреевичем из Старой Сербии (Бессонов, вып. 1, № 36) и Марком Вуковичем (довольно известным собирателем песен, современником Вука — № 174, Бессонов, вып. 3), стих о Николае Чудотворце — священником же сербом Агафангелом Дечанским (Бессонов, вып. 3, № 193). В рукописи Белградской народной библиотеки также XVIII—XIX вв. находим стих о Герасиме пустыльнике (№ 337) и ряд стихов рождественских, Воскресению, Василию, Спиридону — в рукописи № 445, в Библиотеке Сербской Академии наук — № 27 и т. п.

Напомним, что громадное число русских и украинских «кант» и «псалм» встречается в рукописных тетрадках (иногда с нотами) XVIII в. (редко XVII в.), и лишь немногие из них встречены в наше время

² Вук Стеф. Караџић. Српске народне пјесме књ. друга. Београд, 1895 (главным образом — начало тома).

³ П. Бессонов. Калеки перехожие, вып. 1—6. М., 1861—1864 (далее: Бессонов). Здесь южнославянские духовные стихи разбросаны в разных местах в качестве параллелей к русским, частью взяты из того же сборника Вука Караджича.